

ИНТЕРВЬЮ

Пять вопросов об экономической социологии Роберу Сале

САЛЕ Робер (Salais, Robert) — экономист, сотрудник Лаборатории «Институты и историческое развитие экономики» при the Ecole Normale Supérieure de Cachan (ENS), (Кашан, Франция).

Email: salais@idhe.ens-cachan.fr

Источник: Robert Salais Answers Five Questions about Economic Sociology. 2008. *Economic Sociology. European Electronic Newsletter*. 9 (2): 16–23. <http://econsoc.mpifg.de>

Пер. с англ. Ковалёва А. Д.

Экономическая теория конвенций: её истоки, достижения и междисциплинарные перспективы

Робер Сале (Robert Salais) — один из основателей и ведущих исследователей, работающих в русле французской традиции экономической теории конвенций (économie des conventions). Эта междисциплинарная ветвь социоэкономических исследований очень влиятельна во Франции и ныне имеет обширную программу, охватывающую самые разные темы [Diaz-Bone 2006, Diaz-Bone forthcoming; Jagd 2006] и представленную в двухтомнике под редакцией Ф. Эмар-Дюверне [Eymard-Duverney 2006 a, 2006 b]. Экономическая теория конвенций формально была основана в 1989 г., когда вышел специальный номер ведущего французского экономического журнала «Revue économique» (Vol. 40. No. 2), посвящённый данному направлению.

В 2004 г. в Европейском электронном бюллетене экономической социологии (Vol. 5. No. 3) появилось интервью с Лораном Тевено, которое записал Сёрен Ягд (Jagd 2004; Thévenot 2004). В этом интервью особенно удачно описывается начальный этап интересующего нас научного движения — в период до 1989 г. Нижеследующее интервью с Робером Сале посвящено его вкладу в этот подход и более поздним тенденциям развития экономической теории конвенций. Исследовательская ориентация Сале даёт превосходный пример междисциплинарного подхода. В интервью затрагиваются также вопросы взаимоотношений социологии, экономики и других дисциплин, находящихся в сфере интересов экономической социологии. Кроме того, в интервью содержатся краткие сведения об этапах карьеры Сале, а в завершение приводится список его наиболее значимых публикаций.

1. Будьте добры описать ступени Вашей академической карьеры и то, как Вы включились в направление экономической теории конвенций.

Я начал мою профессиональную, а не академическую карьеру (это различие не стоит упускать из виду) как администратор Национального института статистики и экономических исследований (INSEE). В принципе на подобные позиции отбирают выпускников одной из «grandes écoles» (в моём случае это была École Polytechnique¹), что-

¹ Так называемые большие школы Франции включают самые престижные вузы, готовящие кадры высшей квалификации (национальную меритократию) по всем научным дисциплинам. Политехническая школа учреждена в 1794 г. для подготовки инженеров и исследователей-преподавателей технических направлений. — *Примеч. ред.*

бы координировать статистические и вести социоэкономические исследования. Мои интересы в этот период сосредоточивались на проблемах занятости и народонаселения. Вскоре меня привлекли к эконометрическим исследованиям функционирования рынков труда и к национальному экономическому планированию в Комиссариате по общему планированию («Commissariat général du plan»), которое ещё сохраняло своё влияние в 1970-е годы. Это помогло мне сформировать первое общее представление о связи статистических данных и статистических категорий, а также об их роли в макроэкономической политике и планировании. Как я пояснил в начале книги «Изобретение безработицы» («Invention du chômage») [Salais, Baverez, Reynaud 1986], коллективные участники процесса планирования (администраторы, профсоюзы, представители работодателей) в 1960-х годах впервые после 1945 г. обнаружили, что в конце следующего планируемого четырёхлетнего периода, возможно, не удастся обеспечить полную занятость в стране. Подобные опасения сильно повлияли на развитие финансируемых государством дополнительных исследований и сбора данных о занятости и рынках труда. Реагируя на эти коллективные тревоги, мои работы доказывали неочевидность простой связи между колебаниями уровня занятости и безработицы и указывали на существование весьма сложных механизмов приспособления.

Но моё понимание статистических категорий (пока ещё речь идёт не о теории конвенций) пришло благодаря основополагающим работам Алена Дезрозьера (Alain Desrosiers). Подобно многим другим администраторам INSEE в 1978 г. я участвовал (в своей профессиональной области) в широком Коллоквиуме по истории статистики, которым руководили Жоэль Аффичар (Joëlle Affichard) и Алан Дезрозьер. Тогда я начал исследовательский проект по изучению истории категории «безработица» и обнаружил, что она существовала отнюдь не всегда. Эта категория оказалась продуктом определённого социоэкономического процесса, глубоко укоренённого в национальных и институциональных особенностях. Полученный результат заставил меня в 1980-х годах переосмыслить многие теоретические вопросы: например, множественность моделей координации на рынках труда; как технологические и организационные нововведения порождают то, что я назвал «социальными корреляциями» между позициями работников на рынках труда; влияние когнитивных категорий в формировании не только информационных источников, но и явлений, более заземлённых в социальной реальности; разрыв между внедрением в некоторую область человеческой деятельности институтов или правил поведения сверху и возникновением ситуации, где эти институты принимаются акторами в качестве ресурсов и оснований для своих ожиданий и действий. Подобно многим французским исследователям того времени я читал К. Маркса и труды других марксистов и втянулся в социально-политический процесс, результатом которого в 1970-е годы стала «Общая программа левых сил», а в 1981 г. — победа левых партий. В конце концов из всех этих влияний я определённо вынес антипозитивистскую позицию и пересмотрел марксистский подход, поместив идею абстрактного труда в более подходящие социально-исторические терминологические рамки.

С «конвенциями» меня связало то, что раньше все мы (Жоэль Аффичар, Франсуа Эмар-Дюверне, Лоран Тевено, я сам и немного позже Алан Дезрозьер) работали в одном и том же департаменте INSEE, в подразделении проблем занятости (*emploi*). В восприимчивой интеллектуальной атмосфере INSEE того периода это подразделение с позиций сегодняшних дней кажется лабораторией идей, открытой для всевозможных внешних научных влияний. Когда в 1982 г. я возглавил исследовательское отделение INSEE, а Лоран Тевено стал одним из его членов, появилась возможность организовать в 1984 г. междисциплинарный семинар. Он был тесно связан с теоретическими разработками по проблемам конвенций и инвестиций в формы Лорана Тевено (в сотрудничестве с Франсуа Эмар-Дюверне). Возникшая по результатам работы этого семинара и опубликованная в 1986 г. коллективная книга [Salais, Thévenot 1986] уже включает (кроме Жан-Пьера Дюпюи) всех авторов будущего специального выпуска «Revue économique» в 1989 г. Семинар, который в период с 1986 по 1988 гг. позволил подготовить этот специальный выпуск, дал мне благоприятную возможность развить собственное понимание под-

хода, основанного на идее конвенций, и применить его к исследованиям в области экономики труда. Мои более поздние работы вытекают из этих первоначальных результатов, полученных в атмосфере дружеского соперничества и открытости интеллектуальным инновациям.

В заключение позвольте напомнить, что четверо из шести участников того самого специального выпуска 1989 г. вышли из INSEE и первоначально не принадлежали к академической среде. Такое происхождение экономической теории конвенций было несколько подзабыто по мере её развития и выхода последующих работ. Однако оно сигнализировало о ключевой роли когнитивных конвенций в создании и внедрении в жизнь инструментов государственной политики благодаря появлению легитимных и беспристрастных информационных оснований для принятия решений.

2. Не могли бы Вы пояснить Ваше понимание конвенции? И каковы отличия понятия «конвенция» от понятий «правило» и «институт»?

Сначала скажем, что вся исследовательская программа экономической теории конвенций исходит из двух господствующих и противоположных теоретических воззрений. Эти воззрения, опирающиеся на теорию совершенного рынка и макроструктурный подход, пытаются объяснить с внешней точки зрения, каким образом люди способны координировать свои действия на рынках, в разных фирмах или в любых обыденных обстоятельствах жизни и работы, несмотря на всепроникающую неопределённость, окружающую индивидуальные ожидания и действия. Из-за этой неопределённости любая координация действий с другими людьми оказывается проблемой. Для неоклассической экономической теории чудесным механизмом ежедневного производства такой координации является рынок. Рациональные и всеведущие индивиды заключают на этом рынке взаимовыгодные контракты, которые воспринимаются и как благо для всего хозяйства в целом. В противоположность этому макроструктуралисты утверждают, что глобальные институты и государство регулируют экономику, используя наборы предписывающих правил. Подобный взгляд не оставляет места для индивидуальных действий, которые могли бы быть предприняты самостоятельно для достижения эффективной координации совместной деятельности.

Экономическая теория конвенций ставит перед собой цель — понять с точки зрения самих людей, как они решают эти ежедневные проблемы координации. Такой комплексный подход помогает понять, что для преодоления проблем координации люди используют конвенции. Диапазон конвенций простирается от узколокальных, используемых в семье или на работе, до более общих конвенций, которые, к примеру, поддерживают доверие к деньгам или определяют стандарты качества для оценки продукции или установления категорий заработной платы. Что касается меня, то я стараюсь следовать определению, сформулированному в 1969 г. Дэвидом Льюисом [Lewis 1969] о конвенциях как системах взаимных ожиданий. Но я заземляю это определение на ситуации успешной экономической или социальной координации и беру такие ситуации в контексте прошлого, настоящего и будущего, чтобы подчеркнуть их динамику. Данный подход вводит рынки и институты не как внешние жёсткие механизмы, а как полезные «устройства», которые предоставляют людям ресурсы для действий в ситуациях, когда они сталкиваются с проблемами координации. Работу таких устройств надо понимать как стабилизацию ожиданий и предложение правил, помогающих справляться с потенциальными конфликтами между акторами.

Возьмём очень простой пример для пояснения того, как я толкую понятия конвенции, правила и института, — пример пешеходов, ожидающих перехода через улицу. Конечно, всё намного сложнее, чем в этом нехитром случае. Тем не менее для французов, живущих в Берлине (как я в этом году), удивительно наблюдать, как немцы в большинстве своём для перехода улицы стоят и ждут появления зелёного сигнала светофора, даже если в этот момент на ней не видно ни одного автомобиля. Францу-

зы непременно воспользовались бы такой благоприятной возможностью пересечь улицу, не ожидая, пока загорится зелёный свет. И вообще надо сказать, что даже если какие-то машины приближаются, французские пешеходы пытаются устроить слалом между автомобилями, чтобы побыстрее попасть на другую сторону улицы. В Германии и во Франции правила дорожного движения («code de la route»), управляющие поведением пешехода и автомобиля, совершенно одинаковы, и такова же решаемая ими проблема координации. Однако французы и немцы ведут себя по-разному. Стандартная точка зрения с моралистским оттенком (широко распространённым в Германии) сводилась бы к тому, что французы нарушают правила, подвергая других людей опасности, тогда как немцы, уважая правила, более успешно и надёжно координируют свои действия. И нередко даже в Берлине можно видеть жесты неодобрения или открытое порицание от других пешеходов, когда кто-то не желает ждать зелёного сигнала светофора. На практике немцы следуют некоей конвенции, поддерживаемой разделяемым знанием, что человек должен уважать правила. Немецкие пешеходы и водители автомобилей ожидают друг от друга соблюдения этой конвенции, то есть уважения правил. Чтобы убедиться в этом, присмотритесь, как резко стартуют немецкие водители, когда им открывают зелёный свет. Они не ожидают, что пешеходы будут настолько безумны, чтобы перебежать улицу, когда горит зелёный свет для автомобилей. «Французская координация» действий для решения этой уличной проблемы более сложна, помогая понять другие аспекты координации посредством конвенций, а именно, когда правила рассматриваются лишь как отправная точка для людей, позволяющая осознать проблему координации, с которой они столкнулись. Коллективная и погружённая в процесс интерпретация этих правил будет осуществляться действующими индивидами уже на месте. Точно так же она представляет собой процесс развития взаимных ожиданий пешеходов и водителей, помогающих решить возникшую перед ними проблему координации. Они будут приспосабливаться друг к другу по ситуации, так, чтобы независимо от зелёного или красного сигнала светофора дорожное движение продолжалось, не приводя к несчастным случаям. Подразумевается, что каждая из сторон умеет толковать знаки о поведенческих намерениях, исходящие от другой стороны. Это также означает, что участники движения способны подавать сигналы, например, немного отклоняясь от заданной траектории — замедляя скорость, ускоряя движение или не двигаясь с места.

Иными словами, конвенции как системы взаимных ожиданий являются для акторов ключевыми инструментами, обеспечивающими их способность к координации, согласованию действий с другими акторами, а для исследователей — ключевыми характеристиками, с которых начинается их анализ целесообразной, экономической координации. Например, в описанном выше «немецком» случае конвенция требует уважать правила. Правила суть либо письменные, либо инкорпорированные (например, в технических объектах) указания, которые помогают определить рамки для истолкования того, что происходит в данной ситуации, и приспособиться к ходу событий, как в примере с регулированием уличного движения с помощью светофора. И только конвенции позволяют достигать на месте практически осуществимой (и, следовательно, правильной) интерпретации внутреннего механизма взаимного приспособления, как во «французском» случае. Институты — это семейства процедурных и содержательных правил, которые устанавливают общие рамки для координации взаимодействия людей. В ситуациях, где координация развивается без «аварий», институты не замечаются участниками и, следовательно, в каком-то смысле не существуют для них. Но я всё-таки сказал бы, что институты всегда присутствуют в ситуациях координации, по крайней мере, они маячат на горизонте. Институты «действуют» как последние прибежища знания, основанного на здравом смысле. Попадая в какую-то ситуацию, люди заранее знают, что если в процессе их координации с действиями других происходит несчастный случай или конфликт, то в их распоряжении имеются некие процедуры и ресурсы, чтобы идентифицировать проблему и найти её приемлемое решение. В примере с дорожным движением, если какой-нибудь пешеход и водитель устроят аварию, это означает возможность вызвать полицию, обратиться в страховую компанию, а при необходимости и в суд. Институты играют роль внешней

границы, своего рода горизонта для принятия решений, но они никогда не выступают сами по себе. Координация осуществляется только через активное (и иногда новаторское) посредничество конвенций и интерпретаций.

3. Что бы Вы могли сказать о вкладе экономической теории конвенций в изучение институтов и каковы существующие в ней различия в подходах к анализу институтов?

Так много уже написано об институтах, что исписанные страницы, уложенные впритык одна к одной, наверняка охватили бы земной шар. И я в своём ответе должен добавить что-то ещё! Безусловно «проблема институтов» — одна из самых главных в социальных науках. По отношению к координации институты большей частью рассматриваются или с инструменталистских, или с детерминистских позиций. Эти позиции суть два полюса, между которыми экономическая теория конвенций должна отыскать своё надлежащее место.

В основополагающем манифесте теории конвенций (в «Revue économique» 1989 г.) любая координация действий между индивидами рассматривалась как двусторонний процесс. Манифест трактовал координацию и как результат индивидуальных действий, и как ограничительную рамку для этих действий. Другими словами, манифест объединял взгляды предшественников, не объясняя оснований такого решения. Сохраняя «облагороженную» индивидуалистическую установку, экономическая теория конвенций, тем не менее, дистанцируется от неоклассической программы. Она полагает, что индивиды не способны действовать как совершенные одиночки (поэтому конвенции и делают возможными взаимные ожидания). Но, как выяснилось, такое отклонение от методологического индивидуализма оказалось недостаточным для подкрепления претензий на построение системы взглядов, альтернативной неоклассической экономической теории. Чтобы подвести твёрдое основание под экономическую теорию конвенций, нельзя было упускать из виду коллективную и социальную природу миров, в которых живёт каждый индивид. Мы можем рассматривать институты как способ, посредством которого эти коллективные и социальные измерения порождаются в процессе координации. Однако дабы внести свежую струю в эту область, требовалось сказать нечто большее о разумности в целом и институтах, понимаемых как социальные практики.

Во-первых, обычную (или ограниченную) индивидуальную рациональность необходимо заменить на более широкую систему координат, связанную с понятием разумности (reasonability). В координатах разумности индивиды знают, что они живут в обществе, и, следовательно, знают также — чтобы быть услышанным и понятым в процессе действия, надо быть готовым предъявить другим какие-то общие причины своего поведения (например, следовать разделяемым принципам справедливости или выполнять данные обещания). Не только в словесной аргументации, но и посредством своих действий люди должны демонстрировать, что они сознают и уважают коллективные ценности. Разумеется, они вольны не делать этого или могут вести себя оппортунистически, особенно если иметь в виду, что коллективные ценности можно интерпретировать по-разному в данной конкретной ситуации, и что в результате ценности способны становиться объектами серьезных разногласий. Однако такие индивиды подвергаются риску дисквалификации в отношении своих притязаний или интересов. Взгляды экономической теории конвенций на разумность опираются на работы таких социальных философов, как Джон Ролз (John Rawls) или Амартья Сен (Amartya Sen), для которых коллективные ценности (и особенно социальная справедливость) являются взаимно ожидаемыми точками соотнесения при координации людьми своих действий. Отметим, что при таком подходе теория конвенций склонна отходить от позиций исследователей вроде Юна Эльстера (John Elster) или Марка Грановеттера (Mark Granovetter), которые придерживаются стандартных взглядов на рациональность.

Во-вторых, вслед за Ролзом, следует понимать институты как социальные практики. С одной стороны, в системе взглядов экономической теории конвенций институты являются инструментами реализации общественных благ, обеспечения принципов социальной справедливости, формирования предварительных представлений о человеке (в какой-то мере речь идёт об ожиданиях относительно поведения человека: поведёт он или она себя оппортунистически или займёт разумную позицию?). Сравнивая общества в пространстве и во времени, каждый может обнаружить, что из-за множественности ценностей, принципов, общих миров для данной области деятельности могут возникнуть самые разнообразные институциональные устройства. С другой стороны, трактовка институтов как социальных практик означает необходимость осознания исследователем того, что институты всегда встроены в процессы внедрения, истолкования и пересмотра, которые развиваются благодаря социальным практикам. Надо проводить различие между «текстом» института (его декларативными намерениями и целями, его формальными правилами, записанными в законах, регламентах и т. д.) и его практическим смыслом в рабочей ситуации по координации действий разных людей. Возьмём, к примеру, системы страхования от безработицы. Они были созданы для материального обеспечения безработных, чтобы дать им достаточно времени для поисков новой работы. Однако практическое значение этих систем может оказаться иным. Работодатели, зная о существовании таких систем, могут планировать сокращение рабочих мест в надежде, что работники примут это не так драматично, чем в случае, когда никаких механизмов страхования не существует. В подобных ситуациях, далёких от задач борьбы с безработицей, подобные системы поощряют сокращение численности работников, иногда с тайного согласия какой-то их части. Я бы сказал, что последнее слово останется за определённой совокупностью конвенций между людьми. К институтам необходим прагматический подход. Ибо они всегда постигаются в некоторой динамике, в которой перемешаны воплощение в жизнь и пересмотр норм поведения, что порождает неожиданные их интерпретации и порой открывает путь институциональным инновациям.

В работах основателей экономической теории конвенций можно найти заметный разброс позиций — от близких к формализованным эволюционным подходам (Андре Орлеан — André Orléan) или к обновлённой концепции ограниченной рациональности (Оливье Фавро — Olivier Favreau) до близких к вышеописанным линиям развития (Франсуа Эмар-Дюверне, Лоран Тевено и я), по моему мнению, самым многообещающим на ближайшие годы.

4. С точки зрения экономической социологии теория конвенций — исключительное явление, поскольку изначально представляет собой междисциплинарное движение, где социологи, экономисты, статистики, историки хозяйства работают в тесном сотрудничестве. Как Вы объясняете этот успешный опыт сотрудничества и как оцениваете такого рода междисциплинарность? Можно ли говорить об особом вкладе в экономическую теорию конвенций каждой из этих дисциплин или лучше трактовать её как самостоятельное междисциплинарное направление со своей собственной междисциплинарной логикой и динамикой?

В первом приближении междисциплинарность для экономической теории конвенций можно рассматривать как некоторую стратегию развития и выживания в крайне тяжёлой и враждебной атмосфере научных стандартов традиционной экономической теории. Надо понимать, что если бы сегодня явился Дж. М. Кейнс с его чудесным и теоретически точным, но литературным языком, сторонники стандартной экономической теории в лучшем случае сочли бы его одним из политико-экономов. Какие бы взгляды он ни развивал, его мощные интуиции и способы мышления в наши дни не имели бы доступа в наиболее престижные специальные журналы. Его идеи не воспринимались бы всерьёз или даже были бы неизвестны в центральных банках и других макроинститутах. Всем этим я хочу сказать, что приобретение союзников в других дисциплинах помогает выжить и быть положительно оценённым в социальных науках.

На более глубоком и основательном уровне непредвзятому взгляду легко обнаружить, что главные категориальные оппозиции, которые исторически структурируют экономические исследования (например, инструментальная рациональность в противопоставлении разумности; индивидуализм против холизма; или поиски какого-то компромисса между ними), надо искать в других социальных науках. Это означает, что очень полезно присматриваться к тому, как другие дисциплины ставят ваш вопрос в собственном контексте, как они развивают свои методологии и какие эмпирические факты выносят на обсуждение. Обмен и перекрёстное оплодотворение идеями вполне может вылиться во взаимовыгодный процесс. Основатели экономической теории конвенций были готовы к эпохе междисциплинарности. Все они успели развить (по интеллектуальным соображениям и на дружеских основаниях) связи с другими учёными (к вашему списку я бы добавил юристов, особенно в области трудового законодательства). С моей стороны, я развиваю отношения с исследователями экономической и социальной истории, и это уже сработало в том смысле, что исторические исследования во Франции и Англии на свой манер начали перерабатывать основные концепции экономической теории конвенций, например, изучать роль ожиданий или рассматривать продукты как то, в чём инкорпорируются совокупности социальных и экономических конвенций между людьми.

Междисциплинарное исследование сталкивается с некоторыми особыми затруднениями. В случае теории конвенций причиной затруднений бывает та ангажированная и амбивалентная точка зрения, с которой слишком часто смотрят на экономическую науку некоторые социологи (по крайней мере во Франции). Иногда из экономической теории некритически заимствуют понятия, не вникая глубоко в то, что они означают в её специфической дисциплинарной среде и семантике (припомним, например, использование понятия «капитал» в работах Пьера Бурдьё). Более того, некоторые исследователи предпочитают ограничиваться поверхностными и схематическими представлениями о том, что делается у конкурентов, так как гораздо легче бороться с врагом, которого вы сами выбрали и заранее определили. Сказанное верно и для экономистов, часто использующих *ad hoc* социологические объяснения для явлений, которые экономическая наука ещё не может включить в свою теорию, или экономистов, занимающих империалистическую позицию, пытаясь объяснить все социальные явления путём безмерного расширения рыночной модели.

Вместо споров о междисциплинарности или трансдисциплинарности, по моему мнению, надо развивать программы исследований (например, институтов или государственной политики), общие для всех социальных наук, занятых одной серьёзной проблемой. Это означало бы, что каждая научная дисциплина открыта для других и каждая готова (если нужно) обновить собственную область исследований. Не исключено, что такая исследовательская стратегия поможет развитию какой-то новой дисциплины или субдисциплины (вроде социэкономии или экономической социологии). Принятие открытой и окончательно не определённой программы сотрудничества могло бы стать наилучшим решением для будущей длительной работы и создало бы условия для основательных инноваций. Такова, в общих чертах, стратегия, которой мы придерживались при разработке экономической теории конвенций и которую, по моему убеждению, надо развивать и дальше.

5. В последние годы Вы усиленно занимались исследованиями государства и проблем Европы. Не могли бы Вы кратко охарактеризовать отношения между этими двумя темами и подходы экономической теории конвенций к ним?

В современной социальной и политической мысли государство редко рассматривается в позитивном ключе. Например, в предметном указателе «Теории справедливости» Дж. Ролза (Rawls 1971) нет ни одной ссылки на «государство». Несколько огрубляя, можно сказать, что стандартный подход трактует государство как нечто внешнее и противопоставленное обществу, как это делается в концепции «гражданского общества». Государство становится воплощением безличной бюрократии, вторгающейся в сфе-

ру частной жизни. Оно рассматривается как сборище государственных чиновников или политиков, преследующих собственные интересы под прикрытием общественных интересов, «общей пользы». Это влечёт за собой и особое понимание демократии. Демократию воспринимают главным образом как механизм, благодаря которому граждане могут контролировать и ограничивать неуместную активность государства, а не как приверженность всех граждан к самостоятельному действию в направлении общего блага. Для европейских стран трудности общего концептуального определения государства растут из-за того, что наднациональные институты в Брюсселе угрожают прерогативам национальных государств. Вследствие ограничения сферы их былых полномочий или из-за обязательств вводить общеевропейские правила, более или менее чуждые их собственным традициям, национальные государства всё больше начинают казаться Брюсселю препятствиями, которые надо преодолеть. Вдобавок теоретический статус общеевропейских институтов остаётся неясным, появляясь в рассуждениях как сложносоставной, но пока ещё неопознанный объект для социальных наук (см.: [Salais 2007a]).

Текущая ситуация может дать благоприятный шанс для экономической теории конвенций. На мой взгляд, она просто обязана развивать позитивную теорию государства, не забывая о том, что сама она формируется внутри французской традиции мысли относительно государства, гражданства, демократии и республики. Такова предпосылка, из которой я исхожу в своих исследованиях. При этом я вовсе не настаиваю на том, что французская политическая модель должна быть универсальной и получить всеобщее одобрение (несмотря на тот факт, что исторически на протяжении всего XIX в., а возможно и позже, ссылки на французскую революцию в сфере гражданских прав были мотором демократических движений в Европе). Скорее, экономическая теория конвенций должна развивать упомянутую модель как теоретическую, способную охватить богатое разнообразие политических концепций государства (даже негативных) и лишь в этом смысле стать универсалистской. Это потребует чёткого установления некоторых основополагающих допущений или аксиом.

Вряд ли в этом направлении проделана хоть какая-то работа. Со своей стороны, я стараюсь строить свои предположения на твёрдых теоретических и эмпирических основаниях. Первое предположение (см.: [Salais, Storper 1993: Ch. IV. 1]) велит рассматривать то, что должно делать государство, как продукт взаимных ожиданий акторов. В этом смысле государство становится конвенцией между людьми и больше не является чем-то внешним по отношению к политическому сообществу. Напротив, оно становится делом того сообщества, к которому оно относится. Это значит, что люди становятся участниками деятельности государства и через механизм совещательной демократии принимают активное участие в идейном формировании и практической реализации общественного блага. Благодаря такому совместному и взаимному движению общественное благо становится «государственным делом», а отдельные индивиды — гражданами.

В такой теории предполагается, что люди ждут от государства действий по устранению провалов координации, которые случаются, когда не удаётся достичь ожидаемых общественных благ. Иными словами, государство обязано что-то делать с тем разрывом, который неизбежно возникает между процессом координации индивидуальных действий, с одной стороны, и коллективным общественным благом, к которому стремится общество, — с другой. К примеру, как показал Кейнс, полная занятость может быть желаемой целью общественных устремлений, но наиболее вероятно, что индивидуальные действия не достигнут её стихийным образом. Поэтому тот разрыв, который образуется между этой целью и результатами индивидуальной координации, и оправдывает существование государства, задавая модели его политики по уменьшению безработицы. В зависимости от используемой преобладающей концепции государства его политические мероприятия должны быть чувствительными к сбоям процесса координации, дополнять или восполнять этот процесс, дабы прийти к желанному общественному благу. При таком подходе можно развить несколько концепций государства. В неолиберальной концепции, например, господствует посылка, что никакое общественное благо невозможно, возможны

только частные блага, достижение которых индивидами следует поощрять, одновременно поддерживая уважение к некоторым базовым правилам (вроде принципов справедливости в концепции Ролза). В этом случае можно сказать, что развивается конвенция «отсутствующего государства». В других теоретических построениях государство присутствует в разных инкарнациях (см. ниже, конвенцию «ситуативно определяемого государства»).

Здесь пора пустить в ход наше второе предположение: для общественного блага, искомого данным сообществом, разрыв между его достижением и результатом индивидуальной координации должен быть объектом когнитивной разработки и стать общедоступным знанием в пределах данного сообщества. Становясь объективированным и публично выраженным, сконструированный таким образом разрыв помогает формализовать и легитимизировать ту или иную политику и оценить её эффективность. Например, достижение полной занятости может стать коллективной целью, только если уже изобретена и получила распространение такая категория как «безработица». Повысится вероятность того, что указанный разрыв станет объектом государственного измерения (средствами статистики и менеджмента), а политические меры будут нацелены на уменьшение этого разрыва. Иначе говоря, информационные основания, которые ориентируют направления государственной политики и на которые они опираются, являются одним из ключевых элементов при разработке позитивной теории государства. История когнитивных категорий, которые дают начало определённым действиям государства, была одним из источников экономической теории конвенций (благодаря основополагающим работам Алена Дезрозьера и других). Не удивлюсь, если здесь обнаружат связь между экономической теорией конвенций и работами Амартии Сена, например. В центре интересов экономической теории конвенций — большое разнообразие информационных оснований для суждений о социальной справедливости, которые легитимизируют мероприятия государственной политики, в особенности социальной политики (см. выпуск «Raisons Pratiques» 18/2008, L'enquête sur les capacités). В настоящее время я координирую одну европейскую исследовательскую программу по этим темам, а именно, программу о пригодности для социальной политики подхода Сена к изучению человеческих способностей (6FP Integrated Project CAPRIGHT. См.: www.capright.eu).

Позвольте мне заключить ответ наброском того, чем могла бы быть конвенция «ситуативно определяемого государства» (situated state) в условиях Европы. Как теоретические объекты, «ситуативные» государства исключительно интересны. Во-первых, мы исходим из предпосылки, что общественное благо нельзя априорно определять сверху в предельно общих категориях, вместо этого оно может быть определено ситуативно самими акторами. Конкретизация общественного блага, как и его реализация, могут быть достигнуты только через его привязку к «местным» особенностям. Например, полная занятость сейчас зависит от такого множества факторов, варьирующих от контекста к контексту, что только акторы, хорошо встроенные в ситуацию, способны приобрести нужные практические знания и правильно поставить проблему в подходящих к данной ситуации терминах. Во-вторых, концепция ситуативно определяемых государств отправляется от предпосылки, что люди способны действовать ради общественного блага.

Такая предпосылка может быть раскритикована за её наивность и априорно-спекулятивное признание высокой нравственности человеческих существ. Однако всё выглядит иначе, если процедуры и инструменты государственных действий задуманы таким образом, что предпосылка высоких личных способностей становится самореализующейся. Должны быть внедрены в жизнь деятельностные схемы обучения на собственном опыте. В политической философии можно отыскать многочисленные интуиции таких самореализующихся процессов приобретения новых способностей. По А. де Токвилю (см., напр.: [Millon-Delsol 1992]), развитие таких способностей может строиться на близком знакомстве людей с объектами их ситуации. Подобная осведомлённость и привязка к определённой ситуации создают условия для развития у её участников практического знания, которого может оказаться достаточно для адекватного формулирования и достижения общественного блага.

Подобная избегающая абстракций перспектива могла бы пригодиться, чтобы справиться с теми трудностями, с которыми встречается сегодня политическое строительство в Европе. Социальная разнородность её стран настолько велика, что навязывание единообразных и стандартных правил из Брюсселя вызывает растущее политическое сопротивление. Напротив, вариативность выбора конвенции ситуативно определяемого государства позволила бы конкретизировать европейские общественные блага применительно к разным ситуациям (скажем, на уровне государств — членов Евросоюза либо, даже ещё лучше, на локальных уровнях вроде регионов, секторов хозяйства или профессий). Дозволение локальным акторам исходить из собственного практического опыта и продвигать определённые на этой основе европейские общественные блага со временем наделило бы их нужными способностями для построения новой Европы и сделало бы её родной для всех. Разнообразие стало бы ресурсом развития, а не тем, что надо искоренять. Для брюссельской бюрократии платой за это будет отказ от её стратегии контролировать процесс создания единой Европы путем насаждения всеобщих и неоспоримых правил. Если живущие в этой части света граждане увидят, что они имеют в европейском процессе голос на своём уровне, они, возможно, начнут рассматривать Европу как некий коллективный проект, к которому они и сами могли бы приложить руку, а не как исключительно частное дело какой-то неизвестной и далёкой от них элиты.

Краткое описание этапов карьеры и работ Робера Сале

Сале изучал экономику и статистику в *École Polytechnique* и *École Nationale de la Statistique et des Études Économiques (ENSAE)* в Париже. В 1970-х и 1980-х годах он работал во Французском национальном институте статистики и экономических исследований (*Institut National de la statistique et des Études Économiques — INSEE*), где в 1980-х годах входил в одну группу исследователей с Лораном Тевено. Эта группа изучала проблемы занятости, социально-профессиональных категорий и отношений найма и трудоустройства с точки зрения экономической теории конвенций [Salais, Thévenot 1986], а также начала работу по темам безработицы и истории этой категории [Salais, Baverez, Reynaud 1986]. Позднее Сале возглавил исследовательское отделение CNRS (*Centre National de la Recherche Scientifique*) при IDHE (*Institutions et Dynamiques Historiques de l'Économie, ENS-Cachan*) в Париже. Со своей новой группой он провёл новаторские исследования по теории институтов и роли государства в экономике [Salais, Chatel, Rivaud-Danset 1998]. Его более поздние работы сосредоточены на проблемах Европейского Сообщества и экономической истории [Salais, Villeneuve 2004].

В 2005–2006 гг. Сале был сотрудником-исследователем в *Wissenschaftskolleg zu Berlin (WiKo)*, а с 2006 г. — приглашённым профессором в *Wissenschaftszentrum zu Berlin für Sozialforschung (WZB)*.

Работы Робера Сале особенно много сделали для международного признания методологического подхода экономической теории конвенций. С одной стороны, это объясняется тем, что он рано начал публиковать результаты этой теории на английском языке, с другой — тем, что он одним из первых применил этот новый подход к международным сравнительным исследованиям в транснациональном сотрудничестве с учёными разных стран [Storper, Salais 1992, 1997; Salais, Storper 1993; Salais, Villeneuve 2004]. Потом так же поступали Ламон и Тевено [Lamont, Thévenot 2000] и группа Эмар-Дюверне [Bessy, Eymard-Duverney, Larquier, Marchal 2001]. Сале написал и первое немецкое введение в метод экономической теории конвенций [Salais 2007b].

Интервью взято Райнером Диаз-Боном в Берлине

Литература

- Bessy Ch., Eymard-Duvernay F., De Larquier G., Marchal E. (eds.). 2001. *Des marches du travail équitables? Approche comparatives France/Royaume-Uni*. Brussels: Peter Lang.
- Diaz-Bone R. 2006. Wirtschaftssoziologische Perspektiven nach Bourdieu in Frankreich. In: Florian M., Hillebrandt F. (eds.). *Pierre Bourdieu: Neue Perspektiven für die Soziologie der Wirtschaft*. Wiesbaden: VS-Verlag; 43–71.
- Diaz-Bone R. *Forthcoming*. *Economics of convention*. Wiesbaden: VS-Verlag.
- Durkheim E. 1938 [1895]. *The Rules of Sociological Method*. London: MacMillan.
- Eymard-Duvernay F. (ed.). 2006 a. L'économie des conventions. Methodes et resultats. Vol. 1. *Debats*. Paris: La Decouverte.
- Eymard-Duvernay F. (ed.). 2006 b. L'économie des con-ven-tions. Methodes et resultats. Vol. 2: *Developpements*. Paris: La Decouverte.
- Jagd S. 2004. Laurent Thévenot and the French Convention School. A Short Introduction by Søren Jagd. *Economic Sociology. European Electronic Newsletter*. 5 (3): 2–9.
- Jagd S. 2006. Economics of Convention and New Economic Sociology: Mutual Inspiration and Dialogue. *Current Sociology*. 55 (1): 75–91.
- Lamont, M., Thévenot L. (eds.). 2000. *Rethinking Comparative Cultural Sociology. Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lewis D. 1969. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge: Harvard University Press.
- Millon-Delsol Ch. 1992. *L'Etat Subsidiaire*. Paris: Presses Universitaires de France.
- North D. 1991. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 5 (1): 97–112.
- Rawls J. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Salais R. 2007a. Europe and the Deconstruction of the Category «Unemployment». *Archiv für Sozialgeschichte*. 47: 371–401.
- Salais R. 2007b. Die «Ökonomie der Konventionen». Eine Einführung mit Anwendung auf die Arbeitswelt. In: Beckert J., Diaz-Bone R., Ganßmann H. (eds.). *Märkte als soziale Strukturen*. Frankfurt: Campus; 95–112.
- Salais R. (ed.). 2004. *Europe and the politics of capabilities*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Salais R., Baverez N., Reynaud B. 1986. *L'invention du chômage. Histoire et transformations d'une categorie en France des années 1890 aux années 1980*. Paris: PUF. (Second edition 1999).
- Salais R., Chatel E., Rivaud-Danset D. (eds.). 1998: Institutions et conventions. La réflexivité de l'action économique. *Raisons Pratiques*. 9. Paris: EHESS.
- Salais R., Storper M. 1992. The Four Worlds of Contemporary Industry. *Cambridge Journal of Economics*. 16 (2) : 169–194.

Salais R., Storper M. 1993. *Les mondes du production*. Paris: EHESS.

Salais R., Thévenot L. (eds.). 1986. *Le travail. Marches, régies, conventions*. Paris: Economica.

Salais R., Villeneuve R. (eds.). 2004. *Europe and the Politics of Capabilities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Storper M., Salais R. 1997. *Worlds of Production. The Action Framework of Production*. Cambridge: Harvard University Press. (A shortened and recompiled version of Salais, Storper 1993.)

Thévenot L. 2004. The French Convention School and the Coordination of Economic Action. Laurent Thévenot Interviewed by Søren Jagd at the EHESS Paris. *Economic Sociology. European Electronic Newsletter*. 5 (3): 10–16.